

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА: О ЧЁМ ГОВОРIT ВЕК XIX ВЕКУ XXI (НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ)

М.П. Кизима

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, Москва, 119454, проспект Вернадского, 76.

Данная работа посвящена исследованию влияния русской классической литературы на формирование образа России за рубежом. Развитие внешнеполитических отношений в немалой мере зависит от важнейшей культурной дихотомии: «мы – другие»; образ «другого» выстраивается различными путями, классическая литература «другой» страны играет в этом процессе существенную позитивную роль, помогая создать базу для взаимопонимания.

Исследование строится на принципах историко-культурного и текстологического анализа. В качестве актуального исторического примера рассматривается опыт времён русско-турецкой войны 1877 – 78, когда в Англии антироссийская кампания достигла беспрецедентных масштабов (исследователю она во многом напоминает нынешнюю ситуацию), однако часть английской политической элиты, во главе с У. Ю. Гладстоном (1809 – 1898), смогла занять более объективную и взвешенную позицию. В качестве лидера оппозиции Гладстон вступил в спор с политикой консерваторов, направленной на разжигание антироссийских настроений, обвинил их в лицемерии и двойных стандартах, высказался за объективность в анализе внешней политики России. Он смог высоко оценить нравственную роль России в этой войне, писал, что именно Россия внесла решающий вклад в борьбу за освобождение народов Балканского полуострова от турецкого владычества.

Автор доказывает, что одним из факторов, повлиявших на Гладстона в данной политической ситуации, была русская классическая литература. Утверждать это позволяет изучение круга чтения Гладстона, его дневников и таких его работ, как «Друзья и враги России» (1879), «Россия и Англия» (1880). Анализ этих источников приводит автора к выводу о том, что русская классическая литература внесла свою лепту в формирование у Гладстона как видного представителя английской политической элиты более просвещённого и глубокого взгляда на Россию и её внешнюю политику.

Подытоживая результаты исследования, автор подчёркивает, что этот исторический опыт имеет значение и в XXI в., поскольку литературная классика обладает свойством быть всегда современной: русская классическая литература и в наши дни продолжает позитивно влиять на образ России за рубежом и укреплять мосты между Россией и другими странами.

Ключевые слова. русская классическая литература; образ России за рубежом; английская политическая элита; У.Ю. Гладстон; русско-турецкая война 1877 – 1878 гг.; исторический опыт.

Развитие внешнеполитических отношений в немалой мере зависит от важнейшей культурной дихотомии: «мы – другие». Образ «другого» выстраивается различными путями; одним из наиболее продуктивных источников его формирования является классическая литература «другой» страны. Литература не только расширяет представление о «другом», но препятствует упрощённо-пропагандистскому подходу к его толкованию: она позволяет видеть более глубокие пласты жизни «другого», их общечеловеческое содержание, пробуждает симпатию. В условиях внешнеполитического соперничества и противостояния классическая литература помогает создать в сознании людей базу для взаимопонимания.

Теоретические основания исследования. Данное исследование строится на принципах историко-культурного и текстологического анализа.

Исследование: основная часть. Весьма актуальным историческим примером плодотворного воздействия русской литературы на формирование образа России в сознании английской политической элиты является, на наш взгляд, опыт времён русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В те годы в Англии антироссийская истерия достигла беспрецедентных масштабов; исследователю она во многом напоминает нынешнюю ситуацию. Однако обращает на себя внимание тот факт, что, отстаивая английские интересы, часть английской политической элиты смогла при этом занять значительно более объективную и взвешенную позицию.

Такова была, в частности, позиция Уильяма Юарта Гладстона (William Ewart Gladstone, 1809 – 1898) – одного из выдающихся английских государственных деятелей XIX в. Гладстон прожил долгую жизнь и в политике прошёл сложный путь. Он начинал в 1832 г. как убеждённый консерватор, член парламента от партии тори, а в 1868 г. стал лидером либеральной партии; занимал в разное время посты министра торговли, колоний, финансов; четырежды был премьер-

министром. В 1877–1878 гг. Гладстон возглавлял оппозицию консервативному правительству Дизраэли и вступил в спор с развёрнутой консерваторами кампанией по разжиганию антироссийских настроений. Он обвинил тори в лицемерии и двойных стандартах, высказался за объективность в анализе внешней политики России. Более того, он смог высоко оценить нравственную роль России в этой войне, писал, что именно Россия внесла решающий вклад в борьбу за освобождение народов Балканского полуострова от турецкого владычества и тем самым «стяжала великую славу» [2, р. 541].

Одним из факторов, повлиявших на Гладстона в данной политической ситуации, была русская классическая литература. Утверждать это позволяет проведённое нами исследование.

Методология исследования. В историко-культурном контексте были рассмотрены литературные интересы Гладстона, круг его чтения и проведён подробный текстологический анализ его публицистических статей, посвящённых России.

Материалы исследования. Использовались непосредственно первоисточники: были проанализированы дневники Гладстона и такие его работы, как «Друзья и враги России» (1879), «Россия и Англия» (1880).

Процедура исследования. Надо сказать, что Гладстон был не только политиком, но и литератором. Он получил прекрасное гуманитарное образование:

- окончил Оксфордский университет, где изучал богословие и классическую литературу (интерес к этим предметам сохранил навсегда, став автором работ по античной литературе, в частности, о Гомере, трудов на религиозные темы);

- владел не только древними, но и несколькими современными языками, сам переводил с итальянского и написал работу об итальянском поэте-романтике Джакомо Леопарди.

Круг чтения Гладстона был весьма широк и разнообразен. В течение всей своей жизни он вёл дневники, в кото-

рых записывал названия прочитанных произведений (их общее число, по подсчётам, составляет, включая периодику, около двадцати одной тысячи); дневники Гладстона, ныне изданные, представляют собой ценный источник для исследователей. Русским языком Гладстон не владел и русских авторов читал в переводе на английский и французский.

Интерес к русской культуре возник у него ещё в 1850-е годы в связи с международной ситуацией тех лет. В 1853 г. он прочёл работу Якова Николаевича (Жака) Толстого (1791 – 1867) по так называемому «восточному вопросу». Страсти вокруг данного вопроса в те годы были накалены до предела, дело шло к Крымской войне 1853–1856 гг.; как парижский корреспондент Министерства народного просвещения, Я.Н. Толстой (литератор, в юные годы общавшийся с Пушкиным) последовательно выступал во французской печати в защиту позиции России.

О желании Гладстона понять русскую точку зрения свидетельствует и тот факт, что во время своей поездки в Грецию в 1858 г. он посетил там русскую церковь. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. ещё более усилила его интерес к русской культуре, он сохранил его до конца своих дней. В числе прочитанного Гладстоном из русской классической литературы мы находим такие произведения, как:

- «Евгений Онегин» А.С. Пушкина;
- «Ревизор» Н.В. Гоголя;
- «Отцы и дети» и «Бежин луг»

И.С. Тургенева;

– «Смерть Иоанна Грозного» и «Князь Серебряный» А.К. Толстого;

– «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского;

- «Крейцерова соната» Л.Н. Толстого.

Стоит отметить, что в 1880 – 1890-е гг. Гладстон с особым вниманием следил за религиозно-философскими работами Л.Н. Толстого, читал их, как только они выходили в переводах. В 1885 г. в Лондоне был опубликован сборник трудов Л.Н. Толстого в переводе на английский под названием «Христианство Христа» («Christ's Christianity»), в который вошли такие произведения, как «Исповедь»,

«В чём моя вера?» и ещё не опубликованное в России «Краткое изложение Евангелия», озаглавленное в переводе «Дух учения Христа. Разъяснение сущности Евангелия» («The Spirit of Christ's Teaching. A commentary of the Essence of the Gospel»). Гладстон сразу же прочёл эту книгу, как и вышедшие позже «О жизни» (1888 г.), «Царство Божие внутри вас» (1894 г.).

О том, что мысли, изложенные Толстым, глубоко трогали Гладстона, свидетельствует, в том числе, сам стиль его дневниковых записей. Так, завершая чтение «Христианства Христа», он сократил название книги на английский лад: «Count Tolstoy's Xt's Xty» [3, vol. XI, p. 447]. «Царство Божие внутри вас» Гладстон читал в Страстную пятницу и с иронией отметил в дневнике, что это был для него «самый непостный Великий пост» [3, vol. XIII, p. 405]. Духовно-нравственные поиски русской литературы, как видим, вызывали у Гладстона большой интерес и живой отклик, ведь он сам много размышлял и писал на эти темы.

Рассмотрим далее две внешнеполитические статьи Гладстона, непосредственно посвящённые России и русско-турецкой войне 1877–1878 гг.: «Друзья и враги России» и «Россия и Англия». Обе они были опубликованы в журнале «Девятнадцатый век» (The Nineteenth Century) – одном из наиболее серьёзных и авторитетных общественно-политических изданий того времени. В этот период либеральная партия Гладстона находилась в оппозиции и вела острую политическую полемику с консерваторами. Многие аргументы Гладстона звучат весьма актуально и в наши дни.

Статья «Друзья и враги России» («The Friends and Foes of Russia») вышла в январе 1879 г., в разгар антироссийской кампании, когда русофобия – не в первый и не в последний раз в истории – была превращена в основное оправдание внешнеполитических решений. В такой ситуации само словосочетание «друг России» вызывало весьма негативные ассоциации. Гладстон начинает статью с того, что упрекает консерваторов

в использовании старой политической уловки: надевая на себя маску представителей национальных интересов, они обвиняют либералов в особых симпатиях к России и, как следствие, готовности пожертвовать ради неё интересами собственной страны. Подобная уловка, пишет Гладстон, предпринималась в отношении разных стран, но в последнее время объектом нападок оказалась Россия. «Из России сделали пугало и стали выставять на всех ярмарках» [1, р. 169] – констатировал он.

В кратком историческом обзоре Гладстон стремится показать, что после мирного договора 1815 г. во всех европейских конфликтах симпатии английских тори склонялись на сторону власти, а потому – России как «крупнейшего и важнейшего члена Священного союза» [3, р. 172]. Либералы же, подчёркивает он, солидаризировались с Россией, когда та выступала за правое дело свободы, и именно в этих случаях британские тори становились «врагами» России. Так произошло и на этот раз, пишет Гладстон: тори разожгли в части общества «яростную и почти дикую антипатию» к России [1, р. 175]. В своей русофобской кампании тори клеймили Россию как страну «деспотическую», с «плохой» религией [1, р. 168], а, стало быть, по определению не способную занять позицию справедливости и человечности. Гладстон с иронией парирует эти ложные доводы. Более того, он поворачивает их против самих же консерваторов, последовательно используя с этой целью и религиозные образы.

Давая свою оценку позиции России в русско-турецкой войне, Гладстон подчёркивал, что русский народ пошёл на войну, движимый солидарностью с другими славянскими народами и религиозными симпатиями. И в этой ситуации английские либералы «отказываются от всех теологических и церковных предпочтений» [1, р. 168] и становятся сторонниками России и русского народа, поскольку видят в этом «дело борьбы за свободу против деспотизма, борьбы угнетённых против угнетателя» [1, р. 168–169]. Гладстон обвиняет консерваторов в том, что

их правительство фактически бездействовало и переложило дело освобождения христиан от гнёта на Россию, а потом стало очернять то, что было сделано Россией, только потому, что это сделала Россия.

Он отмечает, что в 1876 г. Россия была готова действовать в полном согласии с другими европейскими странами, но Англия уклонилась от исполнения долга и тем самым разрушила европейское согласие. И Россия вынуждена была действовать в одиночку, в результате чего «долг свободных был исполнен деспотом» [1, р. 172]. Благодаря усилиям и жертвам одной нации, – подчёркивал он, – славянские провинции Турции получили независимость или автономию, и нужно по справедливости оценить «эти великие деяния России»: «Великий Судия уже вынес Приговор, и те земли и народы, которые Англия отказалась освободить, стали свободными» [1, р. 169–170].

Отметим, что Гладстон, умелый политик, не забывает подчеркнуть в своих статьях отрицательные последствия позиции тори для самой Великобритании, то есть: неустойчивость внешней политики, рост расходов, стагнация в торговле и промышленности, тот факт, что парламент всё более отодвигается от процесса принятия решений и не имеет доступа к важной информации. Более того, он делает вывод о том, что своей антироссийской политикой консерваторы фактически усилили позицию России и «унизили перед ней свою страну» [1, р. 189]. Гладстон желает укрепления международного авторитета Англии, и показательно, что именно Россия в этом случае становится примером достойного поведения, ибо он пишет: Россия «уже освободила север Болгарии, так не дадим же ей возможности, указывая на угнетённый юг, сказать: «А это – дело рук Англии» [1, р. 180].

Гладстон обрушивается на шовинизм, неподобающую подозрительность и двойные стандарты русофобской кампании. Он называет их «односторонними нравственными законами» («one-sided moral laws») [1, р. 192]. «Братство

народов, – пишет он, – является великой статьёй либерального символа веры, и она, как вера в справедливость, требует, чтобы действия всех правительств – деспотических, равно как и свободных, – оценивались не только с осторожностью, но и по справедливости» [1, р. 192]. «Определяя, какие дела России или любой другой страны являются хорошими, а какие плохими, мы должны руководствоваться теми же правилами доказательства и теми же законами справедливости, какие мы применяем, рассматривая свои собственные», – подчёркивал Гладстон и призывал избавиться от «духа бездумного эгоизма» [1, р. 192].

Как видим, в подходе к оценке политики России, как и других стран, Гладстон настаивает на необходимости единых стандартов и отказе от утверждения превосходства. В марте 1880 г., Гладстон публикует свою работу «Россия и Англия» («Russia and England»), написанную в жанре развёрнутой рецензии на вышедшую в Лондоне одноимённую книгу, автор которой подписался инициалами О.К. Было хорошо известно, что настоящее имя автора книги – Ольга Новикова. Она проживала в Англии, была вхожа в высшее английское общество, активно выступала в защиту России. Власти Великобритании даже подозревали, что она является негласным агентом российского правительства.

Гладстон был знаком с Ольгой Новиковой, но в своей рецензии оставляет её имя за скобками, отмечая, что отношения автора книги с российским правительством в данном случае не имеют значения, поскольку она выступает не в защиту правительства, а в защиту своей страны. С иронией Гладстон обезоруживает своих оппонентов: раз английские тори возвели патриотизм в разряд величайших добродетелей, то он не может быть грехом для О.К., «ведь добродетель остаётся добродетелью повсюду». И тори «не могут на берегах Невы отречься от божества, которому они поклоняются на берегах Темзы» [2, р. 538].

Гладстон тщательно анализирует книгу Новиковой, он далеко не во всём

согласен с её трактовкой позиций России и Англии в различных внешнеполитических конфликтах, но отдаёт дань уважения её таланту политического полемиста, поскольку она открыто излагает и отстаивает свою позицию. Именно это качество книги является, по мнению Гладстона, особенно ценным для любого трезвомыслящего англичанина. Ведь когда идёт спор, первое и самое важное – иметь перед собой все аргументы другой стороны: книга же даёт возможность «услышать из русских уст, что думают русские» [2, р. 539], Автор полагает, что многое в книге О.К. будет англичанам неприятно, но пойдёт им же на пользу.

Мы видим, что в данной работе Гладстон ещё более акцентирует высокую нравственную миссию России в русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг. Не случайно религиозные аллюзии пронизывают весь текст работы. Так, Гладстон отмечает, что книга О.К. посвящена памяти её брата – полковника Николая Киреева, героически погибшего в 1876 г., в начале войны в Сербии. Его кровь и кровь других русских, павших за освобождение славян, Гладстон сравнивает с кровью «христианских мучеников, питающей Церковь» [2, р. 539]. В контексте библейской истории, в религиозных категориях добра и зла оценивает он и политику других стран. Свою характеристику позиции Османской империи в отношении народов Балканского полуострова он завершает следующими словами: «Точно так же фараон ожесточился сердцем и не отпускал народ Израиля» [2, р. 540].

В обеих статьях Гладстон подчёркивал, что благодаря России ситуация в мире изменилась, что была осуществлена «великая работа по освобождению» миллионов людей и что уже невозможно в политической борьбе использовать Россию как пугало, а пришло время «свободно и досконально обсудить вопрос о том, кто и что такое Россия» [1, р. 170]. Своими статьями Гладстон сам фактически участвовал в таком анализе и обсуждении. Мы же остановимся на тех аспектах работ Гладстона, которые напрямую связаны с воздействием на его взгляды русской

литературы. Для деятелей русской культуры XIX в. народ и народность являлись важнейшими категориями, которые они стремились осмыслить и осуществить в литературе, в искусствах, в политике; народное начало сыграло решающую роль в истории русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг.

Этот опыт не прошёл мимо Гладстона: русский народ стал предметом его глубоких размышлений. В своих статьях Гладстон предлагает английскому читателю своё понимание устройства российского общества тех лет и выделяет три основные общественные силы: император, народ и, как особый класс, государственный аппарат, аристократию и военных. Император Александр II («де-спот» согласно официальной английской пропаганде) проявил себя, по мнению Гладстона, как человек справедливый и филантроп. Отмену крепостного права он называет «величайшим в истории триумфом мирного законодательства» [1, р. 170]. Гладстон был убеждён в том, что в русско-турецкой войне «соображения человечности» [1, р. 170] были основным мотивом и императора, и русского народа.

Гладстон подчёркивал в этой связи, что «русский народ был движим в последние три года глубоким сочувствием к своим порабождённым и страдающим собратьям, а не «русскими интересами» или гордыней и жадой приращения территорий» [1, р. 171]. Эти эмоции разделяли и некоторые лучшие представители аристократии, военных и управленцев, однако в целом, как отмечает Гладстон, для этого класса – олигархического, военного, дипломатического – агрессивные настроения были весьма характерны. Они были противоположны интересам народа, но отвечали интересам этого класса людей. Данный класс стоял между императором и народом, обладал огромной силой и стремился формировать политику России, отмечал Гладстон, указывая, что в Англии аналогичные слои имеют точно такие же склонности, и английское общество не может этого не видеть.

Таким образом, Гладстон выделяет народ как реальную общественную силу; более того, именно в народе он видит важнейшую движущую силу русско-турецкой войны. Он прямо пишет, что народ России в этой войне «был движим бескорыстным энтузиазмом, а официальная Россия нехотя с ним согласилась» [2, р. 541]. Конечно, в своих оценках Гладстон порой противоречит сам себе и не свободен от стереотипов. Так, он пишет, что русские – народ покорный, чьё мужество в бою – это выражение «неразмышляющего послушания» [1, р. 170]. В данном случае исторические познания Гладстона проявляются не с лучшей стороны: им были забыты и история войны 1812 г., и героическая оборона Севастополя в Крымскую войну.

Однако в это же время Гладстон подчёркивает как важное свойство русского народа его миролюбие. Он пишет, что население России преимущественно сельское, жизнь людей построена вокруг дома и семьи, и, живя в нелёгких условиях, русский народ «мало поддаётся злобным влияниям того, что в Англии называют джингоизмом» [1, р. 171], то есть агрессивному ура патриотическому шовинизму. Интересно, что Гладстон использует здесь это слово, получившее широкое распространение именно в то время. Само слово происходит от восклицания «джинго!» – «чёрт возьми!». В годы русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. антирусские настроения всячески разжигались, в мюзик-холлах английские патриоты распевали песенку, где это восклицание звучало как своеобразный боевой клич. Тогда русофобов стали называть «джинго», а затем и шовинистическая агрессивная политика вообще получила название «джингоизма». В этом значении данное слово используется до сих пор.

Обращает на себя внимание тот факт, что именно «русский контекст» помогает Гладстону взглянуть шире и на свою собственную страну. Он благодарен Ольге Новиковой за её слова о том, что:

– «была и есть Англия не только официальная, но и национальная»;

– «дважды (в 1791 и 1876), когда английское правительство забывало об истинных интересах до такой степени, что угрожало России войной, война была предотвращена энергичными протестами английского народа» [2, р. 543].

В словах Ольги Новиковой «народ оказался мудрее своих правителей» Гладстон черпал своё вдохновение. Знакомство с русской словесностью помогает Гладстону глубже понять роль России в русско-турецкой войне, её высокое историческое и нравственное значение. Он прямо ссылается на славянофила Аксакова, «выражающего народные славянские настроения» [2, р. 543], солидаризируется с его мыслью о том, что балканские земли должны принадлежать балканским народам. В этом Гладстон видит важнейший принцип, на основании которого только и возможно, чтобы Балканский полуостров мог «обрести счастье для себя и не представлять угрозы остальному миру» [2, р. 547].

Он присоединяется к мнению Ольги Новиковой о том, что Аксаков точно выразил взгляды России, когда писал: «Восток Европы принадлежит восточным европейцам; славянские страны принадлежат славянам. Это не вопрос территориальных завоеваний России; вопрос в том, чтобы дать независимое существование, политическое и социальное, всем этим различным славянским группам, населяющим Балканский полуостров» [2, р. 547].

Знакомство с русской литературой помогало Гладстону и в анализе сложной социально-политической обстановки внутри России. Гладстон оказывается весьма прозорлив в отношении распространения нигилизма и действий русских террористов. О. Новикова писала о покушениях с отвращением и возмущением, но Гладстон отмечает, что её оценка нигилизма как фактора в политической и общественной жизни России

«явно неадекватна» [2, р. 553]. Он даже делает вывод о том, что она не изучала внутреннюю ситуацию в России с той же тщательностью, с какой изучала споры с английским правительством. Гладстон видит в нигилизме «симптом глубоко коренящегося зла», против которого не принимают должных мер, и оно «прорывается в виде злобных и жестоких заговоров», когда: разрушительная теория находит подкрепление в практике [2, р. 553]. Английский политик отмечает, что нигилизм как опасное явление привлекал внимание многих русских писателей, в частности И.С. Тургенева.

Результаты исследования. Итак, анализ источников свидетельствует о том, что русская классическая литература внесла свою лепту в формирование у Гладстона, представителя английской политической элиты, более просвещённого и глубокого взгляда на Россию и её внешнюю политику. Проведённое исследование показывает, что русская классическая литература стала исторически действенным позитивным фактором в развитии образа России за рубежом (в частности, в Англии), помогала строить фундамент взаимопонимания с Россией.

Подводя итоги, стоит сказать, что более сбалансированная и честная позиция в отношении России, занятая Гладстоном, убедила не только значительную часть английской политической элиты, но и рядовых английских избирателей: весной 1880 г. либеральная партия вновь пришла к власти, а Гладстон встал во главе правительства. В то же время рассмотренный выше исторический опыт XIX в. сохраняет свою актуальность, он подаёт неплохой пример веку XXI. Литературная классика обладает свойством быть всегда современной: русская классическая литература и в XXI в. продолжает активно и позитивно влиять на образ России за рубежом, укреплять мосты между Россией и другими странами и народами.

Список литературы:

1. Gladstone W.E. The friends and foes of Russia // The Nineteenth Century. 1879. January. № 23. P. 168–192.
2. Gladstone W.E. Russia and England // The Nineteenth Century. 1880. March. № 37. P. 538 –556.
3. The Gladstone diaries, with Cabinet minutes and prime-ministerial correspondence: 14 vols. / ed. by H.C.G. Matthew, M.R.D. Foot. Oxford: Oxford University Press, Clarendon Press, 1968 – 1994. Vols. 1–14.

Об авторе:

Кизима Марина Прокофьевна – д.филол.н., профессор кафедры мировой литературы и культуры МГИМО МИД России. E-mail: Kizimam@yandex.ru.

RUSSIAN LITERATURE AND THE BRITISH POLITICAL ELITE: WHAT THE 19TH CENTURY TELLS THE 21ST (A FEW OBSERVATIONS)

Marina P. Kizima

Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA Russian Federation, Moscow 119454, prospect Vernadskogo, 76.

Abstract. *This paper is dedicated to the study of the influence of Russian classical literature on the shaping of the image of Russia abroad. The development of international relations depends to a great extent on the fundamental cultural dichotomy of “them and us”. The image of the “other” is constructed in different ways; one of the most productive sources for it is the classical literature of the “other” country, for it broadens the knowledge of the “other” and helps to create a basis for mutual understanding in peoples’ minds.*

The study is based on the principles of historical, cultural and textual analysis.

As a relevant historical example the author takes the situation in the 19th century Britain, at the time of the war between Russia and Turkey, 1877 – 78. Anti-Russian feelings were running high in Britain then (the anti-Russian campaign of those years reminds the researcher of the present-day situation). Yet, what attracts the author’s attention is the fact that some representatives of the British political elite, led by W.E. Gladstone (1809 – 1898), maintained a more balanced and objective attitude towards Russia. Gladstone, leader of the Opposition to the Conservative Government, criticized the anti-Russian campaign waged by the Conservatives. He accused them of hypocrisy and double standards, spoke for an objective analysis of the foreign policy of Russia. Moreover, he emphasized the moral value of Russian victories, wrote that Russia made the decisive contribution to the liberation of the peoples of the Balkan Peninsular.

The author proves that one of the factors that influenced Gladstone’s position in this political controversy was Russian classical literature. This conclusion is based on the analysis of Gladstone’s reading, his diaries and his works “The Friends and Foes of Russia” (1879) and “Russia and England” (1880). The analysis shows that Russian classical literature made its contribution to the shaping of Gladstone’s deeper and more enlightened view of Russia and Russian foreign policy.

In conclusion, the author points out that this historical experience maintains its significance in the 21st century, for classical literature moves with the times, and Russian classical literature continues exercising its positive influence on the image of Russia abroad, building bridges between Russia and other nations.

Key words. *Russian classical literature, the image of Russia abroad; British political elite, W.E. Gladstone, the war between Russia and Turkey, 1877 – 78, historical experience.*

References:

1. Gladstone, W.E. (1879, January). The friends and foes of Russia. *The Nineteenth Century*, no.23, 168–192.
2. Gladstone, W.E. (1880, March). Russia and England. *The Nineteenth Century*, no.37, P. 538–556.
3. The Gladstone diaries, with Cabinet minutes and prime-ministerial correspondence: 14 vols. / ed. by H.C.G. Matthew, M.R.D. Foot. Oxford: Oxford University Press, Clarendon Press, 1968 – 1994. Vols. 1–14.

About the Author:

Marina P. Kizima – Doctor of Letters, Professor of Department of World Literature and Culture MGIMO-University, Moscow 119454, prospect Vernadskogo, 76. E-mail: Kizimam@yandex.ru.